

Новое родительство и его политические аспекты

Сегодня отношение к детям в России — одна из немногих сфер общественной жизни, где рождаются принципиально новые тенденции | **МАРИЯ МАЙОФИС, ИЛЬЯ КУКУЛИН**

В современной России происходит трансформация ценностей родительства и воспитания детей. Хотя этот процесс — подспудный и пока мало замеченный аналитиками — сам по себе не является политическим, он может оказаться одним из факторов, инициирующих формирование гражданского самосознания. Возможно, по этой, но не исключено, что и по другим причинам в последние несколько лет он вызывает весьма энергичную реакцию политических элит.

Родительство — это исторически и социально вариативный комплекс установок и практик, связанных с планированием семьи, отношением к детям, самоотношением взрослых к себе как к родителям, и некоторые политические измерения этого комплекса.

Родительство — феномен и микро-, и макросоциальный: он подразумевает не только идентичность «буквальных» отцов и матерей, но и принципы, определяющие отношение взрослых к детям в целом и тесно связанные с гражданским самосознанием, так как отношение к «чужим» детям в проблемных ситуациях болезни и/или сиротства с неиз-

бежностью вызывает вопрос о распределении ответственности и обязанностей между индивидом, обществом и государством. Ответ на этот вопрос, очевидно, всегда будет политически маркированным.

«Бум» и шум

Во второй половине 2000-х в России происходит настоящий «родительский бум» — социально-психологический процесс, идущий одновременно с увеличением рождаемости («беби-бумом») ¹, но не полностью им обусловленный. Внешние признаки «родительского бума» — качественные и количественные изменения детского книгоиздания ², бурный рост (в крупных городах) мероприятий, рассчитанных на совместное участие родителей с детьми (как в разного рода клубах и развлекательных центрах, так и в обычных детских садах), обсуждение в гляцевых журналах материнского и отцовского опыта «звезд», восприятие диалогических, доверительных отношений с детьми как важного элемента «жизненного стиля» преуспевающего человека ³, увеличение спроса на семейные консультации, причем не только для «проблемных», но и для «благополучных» семей, которым интересны новые формы совместного проведения досуга или

АВТОРЫ БЛАГОДАРЫТ Е.А. ЗДРАВООМЫСЛОВУ И Ю. ГРАДСКОВУ ЗА СОВЕТЫ И КОНСУЛЬТАЦИИ ПРИ РАБОТЕ НАД ЭТОЙ СТАТЬЕЙ

улучшение внутрисемейных отношений⁴. Социологи говорят о большем разнообразии моделей семьи, принятых в российском обществе, и о растущем значении так называемых детоцентричных семей, то есть таких, в которых на первом месте оказываются интересы детей.

Отношение к «чужим» детям (которое мы бы назвали «гражданским родительством») в современной России также исподволь изменяется, о чем свидетельствует превращение благотворительной поддержки тяжелобольных детей в автономный социальный и даже культурный институт — во многом благодаря работе Российского фонда помощи⁵. Этот выход детской благотворительности в публичную сферу особенно важен потому, что способствует не только помощи конкретным детям, но и преодолению стигматизации неизлечимо больных, характерной для советской и постсоветской культуры. (Подробнее об этой стигматизации и о тенденциях к ее преодолению см. в статье Светланы Королёвой и Алексея Левинсона на с. 42–60 этого номера, написанной на материале полевых исследований.)

Но у сферы родительства в современной России есть и «тенева» сторона: алармистские и имеющие явный антизападный оттенок телевизионные сюжеты о судьбе российских детей, усыновленных/удочеренных иностранцами; попытки государственных органов опеки отобрать детей у родителей, которые не в состоянии обеспечить им материальное благополучие и/или известны своими радикально-оппозиционными убеждениями⁶; усиление идеологического вмешательства государства в школьное образование и введение религиозных предметов в школах. Эти процессы свидетельствуют о том, что со стороны государственных элит происходит одностороннее нарушение «вертикального общественного договора» (в терминологии Александра Аузана⁷), сло-

жившегося в России в 2000-е годы и предполагавшего, среди прочего, согласие граждан на неучастие в политике в обмен на невмешательство государства в их частную жизнь⁸. Вмешательство началось именно с детей, и, хотя пока оно остается несистематическим, в дальнейшем именно семейное воспитание и школьное образование могут стать причинами открытых конфликтов между гражданами и государством.

Основой этих «теневых» явлений стали политика и риторика демографического национализма, открыто взятые на вооружение российскими элитами в середине 2000-х годов⁹. Наиболее известное, но далеко не единственное проявление этой политики — «закон о материнском капитале» (Федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»), принятый Государственной думой 22 декабря 2006 года.

Родительство стало своего рода *ставкой* как в общественной, так и в политической сферах. О значимости этой ставки можно судить по общественно-медийным сюжетам, возникшим в связи с сериалом Валерии Гай Германики «Школа». Характерны и сам факт, что этот телевизионный проект был реализован и показан на сверхлюбом Первом канале, и содержание последовавших дискуссий: первые же серии вызвали бурную реакцию депутатов Государственной думы, иерархов Русской православной церкви, региональных политических элит и педагогической общественности. Одни комментаторы сочли сериал клеветническим и потребовали немедленно прекратить его показ, другие доказывали, что фильм «объективно» отражает существующее положение дел или, как минимум, предупреждает о возможном будущем российской школы¹⁰. Важнейшим в дискуссиях о сериале оказался вопрос о его «правдивости» и «достоверности» — и сторонники, и оппоненты

сериала полагали, что от ответа на него прямо зависит, как общество в целом должно воспринимать место школы, учителей и подростков в жизни современной России. (Подробно все эти процессы в публичной сфере и участие в них политических элит проанализированы в материале Станислава Львовского на с. 20–41.) Такая поляризация оценок — от констатации точной социальной диагностики до обвинений в злостной клевете — едва ли не лучшая иллюстрация сегодняшних представлений политических и общественных элит о политике в области детства и образования: социальный, культурный, этический и тем более политический статус подростка мыслится ими как прямое следствие государственного вмешательства (или невмешательства).

Установки и мотивации

Актуализация «темы детства» и превращение ее в заметный публичный тренд свидетельствует о двух типах процессов: стихийных изменениях общественных тенденций и отрефлексированной реакции государственно-административных элит. По-видимому, в российском «среднем классе» (насколько возможно о нем говорить в сегодняшних условиях¹¹) формируются и все шире распространяются представления о том, что родительство и доверительное общение с детьми — самостоятельная ценность, значимая «здесь и сейчас».

Новую психологическую установку, о которой здесь говорится, мы предлагаем назвать кооперационным или неимперативным родительством¹². Два этих эпитета обозначают разные аспекты одного и того же явления и могут использоваться в зависимости от того, о каком конкретном его аспекте идет речь.

Новая ценность родительства может быть результатом реализации очень разных психологических мотивов, в том числе, как ни странно, и сугубо прагматических. Как пока-

зывают опросы, во второй половине 2000-х стремление обзавестись вторым или третьим ребенком в семьях обеспеченных людей в ряде случаев может быть продиктовано желанием приобрести дополнительные психологические и финансовые «якоря» из-за ненадежности российской пенсионной системы, страха в любой момент потерять все свое имущество и т. п.¹³ Однако прагматические мотивы, как нам кажется, — это только один из вариантов «обеспечения» новой социально-психологической тенденции, сердцевиной же ее являются представления о родительстве как о творческой работе, направленной на поддержание доверительных, эмоционально равноправных и содержательно насыщенных отношений с ребенком.

Характерно, например, что в 2010 году в России началось издание нового глянцевого журнала *Mamas&Papas*¹⁴, который, в отличие от подавляющего большинства аналогичных российских изданий, ориентирован на родителей дошкольников и исключает самый «рыночный» сегмент аудитории — семьи, планирующие или ожидающие ребенка, и семьи с детьми грудного возраста. Журнал намерен регулярно обсуждать вопросы семейного общения и совместного досуга — Издательский дом Родионова, публикующий *Mamas&Papas*, очевидно, отреагировал на изменение спроса.

Развитие семейных ценностей в России 2000-х отличается по смыслу от аналогичных процессов 1970–1990-х годов. Разумеется, дружные семьи, в которых родители и дети стремились к взаимному пониманию и доверию, существовали в СССР/России и до 2000-х годов. В интеллигентных семьях ролевые установки могли быть вполне отрефлексированными и часто воспринимались членами соответствующего круга как элемент общего «не-советского» поведения, так как предполагали эмансипацию от поощряемого государством социального порядка. Такой же

частью интеллигентского «габитуса» (пользуясь терминологией Пьера Бурдьё) было и стремление учитывать в общении с детьми разнообразные «демократические» методики воспитания и образования. Характерно, что в повести писателя-неотрадиционалиста Василия Белова «Воспитание по доктору Споку» (1978) чтение американского теоретика семейного воспитания является одним из главных атрибутов героини, якобы отождившейся от «народных корней».

Однако существование семей, основанных на взаимном доверии, ни в позднесоветскую эпоху, ни в 1990-е не задавало социальной тенденции¹⁵. Сегодня такая тенденция формируется в России благодаря развитию нового информационного пространства, прежде всего Интернета, позволяющего родителям не только обмениваться опытом, но и репрезентировать себя как носителей новых социальных норм.

Есть два принципиальных отличия новой тенденции от советского «инновационного родительства» 1970-х:

- в тот период интерес родителей к своим чадам имел неспецификаторский характер, то есть исходил из базового предположения, что между взрослыми и детьми нет принципиальной психологической разницы, а в современной ситуации этот интерес — спецификаторский, то есть основан на презумпции, что медицинские и психологические особенности ребенка существенно отличают его от взрослого, а потому для понимания мира детей взрослые нуждаются в специальном объяснении¹⁶;
- в условиях рыночного общества формирование новых семейных ценностей порождает предложение новых товаров и услуг, а изменения рынка ведут к дальнейшему распространению моды на установки неимперативного родительства (см. об этом в статьях Екатерины Асоновой и Галины Карповой на с. 78–93 и 94–99).

Новая установка способствовала все большему распространению в России новых практик родительства, уже описанных социологами: более ответственный, чем раньше, подход к планированию семьи (основанный на хоть и медленно, но все же происходящем в России изменении контрацептивной культуры¹⁷); более поздний средний возраст рождения первого ребенка; изменение психологических паттернов отцовства, включая готовность мужчин присутствовать при родах своей супруги (в предшествующих поколениях советских родителей сама идея такого присутствия считалась вредной¹⁸); постепенный отказ от физического насилия в воспитании детей (особенно мальчиков); сознательный выбор новых институций, которые родители допускают к воспитанию своих детей — таких, как специализированные детские сады или разного рода центры и группы дополнительного обучения. Спецификаторская установка вызывает новые представления о потребностях ребенка на разных фазах его развития.

Трансформации ценностей

Другие особенности кооперационного родительства можно выявить, если сравнивать не отношение к воспитанию, а нормативные представления о семье, распространенные в обществе и медиа. В 2000-е годы и эти представления изменились или, во всяком случае, оказались для части общества проблематизированы.

Еще на рубеже 1970–1980-х в СССР власти начали использовать лозунги «возврата женщины в семью» (то есть расширения возможности для женщин не работать на государственной службе, а быть домашними хозяйками). Эти лозунги были идеологическим сопровождением политических мер по повышению рождаемости¹⁹, но восприни-

мать их можно было скорее как повышение официальной оценки домашнего труда, а не как реалистическую программу: мало какая городская семья в СССР могла прожить на зарплату одного работающего мужчины. С самого начала эта риторика требовала переосмысления не только гендерных, но и поколенческих ролей: предполагалось, что отец, которому будет возвращена роль «добытчика», вновь сможет стать воплощением «правильных», традиционно-укорененных²⁰ общественных норм для своих детей, особенно для мальчиков.

“Происходящие в 2000-е годы трансформации семейных ценностей психологически противоречат традиционалистским установкам, таким как «возврат женщины в семью»”.

Во время перестройки лозунги «возврата женщины в семью» и восстановления «правильных» гендерных и поколенческих ролей были использованы в антикоммунистической риторике, осуждавшей «неправильную» советскую политику, которая предполагала тотальную занятость и социальную «уравниловку». Однако, как справедливо пишет Татьяна Журженко, в 1990-е годы разоблачительный и эмансипационный потенциал «возвращенческой» риторики быстро иссяк, и она приобрела в России и других постсоветских государствах сугубо фундаменталистский характер²¹. В 1990-е параллельно происходило несколько процессов трансформации семейных ценностей: неорационалистское общественное давление на семью²²; резкий рост автономии детей (от ранней занятости до полной беспризорности) — и одновременно стремление родителей из соображений безопасности ограничить детскую автономию; появление в медиа публичной рефлексии проблем детства и прав ребенка и редкие попытки осмыслить подспудные изменения родительского самосознания.

Примером постсоветской медийной рефлексии является специализированная полоса «Дети», которая в середине 1990-х выходила в газете «Сегодня», претендовавшей в те годы на роль законодательницы эстетической и интеллектуальной моды. Среди постоянных тем «детской» рубрики были особенности современных школ, рынок детских книг, рекомендованные и не рекомендованные экспертом газеты новые компьютерные игры, консультации врачей и психологов (например, о детских страхах) и т. п. Характерно, однако, что рефлексия

родительской позиции предпринималась авторами газеты только при обсуждении проблемных ситуаций — таких, как врожденная болезнь ребенка, социальное сиротство, криминогенные опасности, подстерегающие детей. Новая конфигурация семьи или гендерных ролей почти не обсуждалась.

Происходящие в 2000-е годы трансформации семейных ценностей и родительства психологически противоречат лозунгам «возврата женщины в семью» и иным традиционалистским и натурализаторским установкам (наподобие «натурализованного пола»²³), известным с 1980—1990-х годов. Они являются, по-видимому, частью общемировой тенденции «переизобретения» семьи в рамках еще более широкого процесса, который Энтони Гидденс назвал «трансформацией интимности»²⁴; в это широкое понятие входит, в частности, повышение экзистенциального смысла интимно-доверительных отношений в семье или в паре живущих вместе сексуальных партнеров.

Интересующие нас изменения пока не затронули сколь-либо больших групп насе-

ления и поэтому не «вылавливаются» традиционными социологическими методами, но уже хорошо заметны в культурных и медийных репрезентациях и могут быть зафиксированы в индивидуальных интервью и контент-анализе блогов. В целом можно констатировать, что в семьях, задающих новую тенденцию общественного развития, наиболее важным оказывается не идея «уделять побольше времени ребенку», но понимание семейных взаимоотношений как результата совместного творчества всех членов семьи, приносящего удовольствие каждому. Можно интерпретировать этот процесс как сдвиг от воспитательской этики долга к этике удовольствия — как известно, именно общий переход от этики долга к этике удовольствия считал важнейшей чертой современности Мишель Фуко²⁵.

Становление неимперативного родительства глубоко парадоксально: апелляцию к семейным ценностям принято считать одной из основ консервативного политического дискурса, однако новое течение имеет ярко выраженный *реформаторский характер*. Оно является следствием установки на психологическое гендерное равноправие в семье: в противоположность традиционалистским принципам, жена и муж признают свою равную ответственность за психологическую гармонию в семье и распределение домашних обязанностей. Ориентация на гендерное психологическое равноправие позволяет даже в случае неполной семьи стремиться к взаимному пониманию и уважению родителей и детей и одновременно — «переизобрести» сами родительские роли. Одна из важнейших черт неимперативного родительства состоит в том, что оно рождается в условиях *неэссенциалистского восприятия семьи*: роли, связанные с гендером и возрастом, воспринимаются не как сами собой разумеющиеся, а как проблематизированные, требующие пересоздания «здесь и сейчас»²⁶.

Социальная *terra incognita*

Формирование в России неимперативного родительства и восприятие родительства как ценности еще не стали предметами специальных исследований. На протяжении 2000-х социологов и историков культуры привлекали близкие, но все же другие темы: советского детства и детства как социально-психологического и культурного феномена²⁷, изменений в экономическом и социальном положении семьи и связей отношений в семье с религиозными и политическими убеждениями²⁸, исторической антропологии и психологии родительства²⁹ или социально-правовых проблем детей (как, например, социальное сиротство или насилие в семье)³⁰. Среди этих, растущих от одного ствола, «ветвей» оказалась незамеченной и неисследованной еще одна — трансформации родительского самосознания и их историко-культурное значение.

Эта лакуна, по-видимому, особенно характерна для ситуации именно в российской науке. В специализированных журналах других развитых стран проблемы трансформации и типов родительства обсуждаются регулярно (если говорить о США, ситуация в которых нам известна относительно лучше, то там примерами таких изданий являются *Childhood* или *Gifted Child Quarterly*³¹); аналогичной проблематике посвящены и специальные выпуски журналов общего характера³².

Трансформации родительства принципиально важны для описания современного российского социума, потому что по своему содержанию противоречат другим, более заметным тенденциям. Социологи и политологи не раз писали о том, что состояние российского общества в 2000-е годы во многом определялось патерналистскими по своим результатам настроениями: упованием на «порядок» и «твердую руку», массовым убеждением в спасительной роли государственных органов вообще и репрес-

сивных механизмов в частности, пассивно-потребительским отношением к огосударственным медиа и т.п.³³. В этих условиях, как уже несколько раз происходило в истории России, именно сфера приватного, в данном случае — семейных отношений, стала единственным возможным пространством обновления общества. Говоря проще, семейные ценности стали постепенно изменяться именно потому, что политические элиты в 1990-е и начале 2000-х годов *не обращали внимания* на этот сегмент, хотя во всех предвыборных программах провозглашали приверженность этим ценностям. Одновременно через популярные медиа насаждались представления о структурировании политического поля по семейно-клановому принципу (например, с помощью мифа о «ельцинской Семье»³⁴).

Распространение неимперативного родительства сопровождается характерным для посттоталитарных режимов расхождением между новыми практиками и объяснением, которое дают своему поведению «носители» этих практик. Прежде всего мы говорим о тех, кто не формирует соответствующие тенденции, а принимает участие в их распространении, — пользуясь терминологией Эверетта Роджерса, о «раннем большинстве». (Подробнее о концепции Роджерса, первоначально разработанной на материале социологии моды, см. в статье Екатерины Асоновой на с. 78–93.) Как показала Ребекка Кей, в 1990-е годы при расхождении инновационных воспитательных практик с поведением большинства окружающих людей «носители» этих практик описывали свое поведение как вынужденное, осуществляемое под влиянием форс-мажорных обстоятельств³⁵. В результате относительно широкого распространения Интернета у многих российских семей появился альтернативный канал трансляции норм, и тенденция к «форс-мажорным» объяснениям в 2000-е годы ослабла, но, насколько можно судить, не исчезла³⁶.

Несмотря на «непроговоренность» новой тенденции, восприятие родительства как значимой общественной «ставки», насколько можно судить, сосуществует со все более заметной реакцией политических элит. По давней, уже устоявшейся традиции они совмещают сопротивление процессу стихийной модернизации (а она представляется им опасной, поскольку неизбежно ведет к эмансипации общества от государства) с использованием переосмысленных либеральных лозунгов — в данном случае правозащитных: апеллируя к правам ребенка и семьи, российские проправительственные медиа доказывают, например, что проживание детей российского происхождения за пределами их родины унизительно и опасно для жизни. Фактически эти медиа создают образ государства как идеального родителя, продолжая на новом витке развития традиции советской пропаганды³⁷.

Эмансипаторный потенциал

Еще одна причина, по которой новые типы родительства не стали предметом общественного внимания и исследования, связана с тем, что популярные медиа 1990–2000-х уделяли наибольшее внимание положению неблагополучных детей — беспризорности, подростковой преступности и т. п. — и возможному участию в решении этих проблем государства и общественных институций. При такой оптике родительство вновь оказывается «слепым пятном». Конечно, публичное обсуждение «острых» социальных тем насущно необходимо: в некоторых регионах России беспризорность и теперь продолжает расти (в Москве она резко уменьшилась — в первую очередь за счет депортации беспризорников в другие города³⁸). Однако не менее важным процессом, чем рост беспризорности, но гораздо более трудноразличимым с помощью социологических наблюдений является *дивергенция воспитательных стилей* — увеличение

среди российских семей доли как кооперационных, ориентированных на сотрудничество и совместное творчество, так и разобщенных, в которых родители фактически не считают себя ответственными за воспитание, хотя семья остается по внешним показателям целой и социально благополучной, а дети не могут считаться безнадзорными в том смысле, который вкладывают в это слово социологи и юристы³⁹. Вероятно, именно семьи второго, «холодного» типа могут способствовать некритическому воспроизводству традиционных гендерных и поколенческих

- восприятие государства, органов местной власти и государственных образовательных институций как *главных и единственно возможных оппонентов* семейного воспитания.

Третий пункт этого перечня требует отдельного комментария. В «западных» странах благодаря возможностям общественной дискуссии оппонентом семейного воспитания может быть признана любая институция — например, церковь. Так, в марте 2010 года на Папу Римского Бенедикта XVI обрушился град обвинений от многих

“Как уже бывало в истории России, сфера частного оказывается единственным пространством, где возможно обновление общества”.

ролей. Эта причинно-следственная связь, собственно, и была продемонстрирована в сериале «Школа», но, несмотря на критический тон телефильма, сюжет его основан не на рефлексии, а на мифологизации такого положения дел: главная героиня сериала Аня Носова представлена как романтическая бунтарка против косной и агрессивной окружающей действительности, этот бунт словно бы не имеет исторического и психологического основания и выглядит вневременным событием⁴⁰.

Насколько можно судить, процесс трансформации родительского самосознания в России вполне вписывается в тенденции, характерные для «западных» стран в целом. Можно выделить три особенности, наиболее ярко проявившиеся именно в России:

- нервная реакция политических элит на общественную эмансипацию родительства,
- неотрефлексированность «нового» родительства как социального явления — при интенсивном распространении новых норм и ценностей воспитания через Интернет,

семей, общественных организаций и влиятельных медиа Ирландии, Британии, США и Германии за то, что иерархи католической церкви, как полагают обвинители, на протяжении ряда лет попустительствовали деятельности священников, вступавших в сексуальные связи с детьми (или за то, что от папы в его бытность кардиналом скрыли одно из таких преступлений — в таком случае его неведение тоже компрометирует католическую церковь)⁴¹. После начала публичной кампании католическая церковь Германии открыла «горячую линию» для всех, кто пострадал от сексуальных домогательств со стороны духовных лиц⁴².

В России публичная полемика с православной церковью, да и с другими структурами «традиционных» религий по вопросам родительства и воспитания, похоже, почти невозможна — по социально-психологическим причинам. Так, введение в школах «основ религиозной культуры» — предмета, разделяющего учеников по религиозному признаку — вызвало, судя по российскому Интернету, довольно широкую отрицательную реакцию в обще-

стве, но по модусу выражения она была преимущественно стоически-пессимистической, в духе старой советской поговорки «против лома нет приема» — исключений было очень немного⁴³. В других случаях вторжения государства в частную жизнь граждан — например, запрета автомобилей с «правым рулем» — реакция граждан, как известно, была гораздо менее пассивной.

В сфере родительства в России тоже возможны случаи весьма энергичной защиты детей от внешних посягательств — не менее жесткой по тону, чем «антиватиканская» кампания 2010 года в Европе, — однако они имеют совершенно другие адресацию и смысл, чем эта кампания. Так, выпады против введения государством ювенальной юстиции (подробно исследованные в статье Станислава Львовского в этом номере *Pro et Contra*, см. с. 20–41) исходят от небольших реальных или виртуальных групп более или менее консервативной направленности (иногда в риторике этих групп совмещаются правоконсервативные, левoliberalные и экологические лозунги), которые апеллируют к солидарности граждан, направленной только против нынешней государственной власти. Фактически они требуют, чтобы государство защищало не права ребенка, а права абсолютизированной по своему значению семьи как целостной социальной единицы, внутри которой детям отведена подчиненная роль⁴⁴. Те, кто хотел бы, чтобы государство таким образом стояло на страже семьи, готовы считать своими союзниками консервативную часть церкви, просоветские силы и любых иных традиционалистов.

Эмоциональная по тону, но малопродуктивная «политизация родительства» в неоконсервативном духе, примером которой является борьба с ювенальной юстицией, свидетельствует еще об одной парадоксальной ситуации: социально инновационными в совре-

менной России являются только диффузные процессы, не оформленные институционально и не выдвигающие общих лозунгов. Однако трансляция позитивных результатов, достигнутых движением неимперативного родительства, станет возможной только в том случае, если осваивающие эту новую практику семьи осознают себя как автономную общественную альтернативу, не воспринимающую государство в качестве вечного противника или обязательного союзника.

Осознание кооперационного родительства как самостоятельного общественного тренда затруднено и из-за особенностей рынка образовательных услуг в России. В силу ряда причин в обществе крайне невелико доверие к частным институциям основного образования, прежде всего — к частным школам и детским садам. Поэтому на институциональном уровне новые практики родительства приводят прежде всего к трансформации рынка дополнительного образования и психолого-педагогического консультирования. (См. об этом в статье Галины Карповой на с. 94–99.) Возможно, слабое закрепление новых практик родительства напрямую связано с ограничениями рынка. Например, зафиксированный социологами рост потребности в детских садах⁴⁵ способствует возникновению новых моделей этих учреждений, но и этих новых моделей недостаточно. В итоге, как в известном анекдоте, «получается автомат Калашникова»: поскольку детские сады остаются в подавляющем большинстве государственными и в любом случае контролируются государственными надзорными инстанциями, они чаще всего сохраняют «хронические болезни» этой системы (денежные поборы по самым разным поводам и т.п.)⁴⁶.

Тем не менее неимперативное родительство уже играет в обществе роль эмансипирующей силы. Главным социально-

психологическим «мотором» эмансипации, как нам представляется, является именно неэссенциалистский подход к семье, который предполагает возможность выхода каждого из ее членов за пределы «натурализованного», «естественного» патриархального социального порядка.

Мы надеемся, что публикация и последующее обсуждение темы современного роди-

тельства будут способствовать диалогу и взаимопониманию политологов, социологов, педагогов и исследователей современной культуры. В условиях, когда понятия «политического» в сегодняшней России все больше размывается и затуманивается, такое междисциплинарное сотрудничество может оказаться плодотворным для всех его участников. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ О том, что в России в 2009 году рождаемость впервые превысила смертность, сообщала в своих публичных выступлениях министр здравоохранения и социального развития РФ Т.А. Голикова (http://infox.ru/science/human/2009/09/29/Vpyvuyue_zh_15_lye.phtml; <http://www.med2.ru/story.php?id=14759>; <http://tass-ural.ru/lentanews/93755.html>). О росте рождаемости говорилось и в официальном сообщении Фонда социального страхования (<http://medportal.ru/mednovosti/news/2009/07/22/newborn/>). Независимые эксперты полагают, что демографический подъем в России имеет временный характер, не связан с принятыми правительством мерами по поощрению рождаемости, а вызван более долговременными причинами и что в ближайшие годы, скорее всего, смертность вновь станет больше, чем рождаемость (<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4810334,00.html>). Однако для нашего обсуждения важнее не конкретная статистика, а изменения *общественных настроений* в крупных городах в сторону умеренного «демографического оптимизма» — что, по-видимому, обусловлено именно относительным увеличением рождаемости.

² Характерна логика, предложенная в статье аналитика книжного дизайна Елены Герчук о ярмарке *Non/fiction* 2009 года, — Герчук тоже усматривает в переменах книгоиздательских трендов именно *общественную тенденцию*: «...что любопытно, попытки рационального объяснения — вроде того, что за годы благоденствия родилось много детей, или, наоборот, что в годы кризиса люди только на детей и готовы тратить деньги — были в явном меньшинстве, да и отвечали так по большей части покупатели. Сами же издатели — практически все — честно

ссылались на подсознание: “Нам вдруг показалось, что мы должны начать издавать детские книжки”; “Мы вдруг сообразили, что ниша качественных детских книг на рынке не занята”; “Нам вдруг подумалось, что это будет хорошо”... Слово “вдруг”, присутствовавшее во всех без исключения ответах [издателей], говорит об отчетливых, явных — пусть пока еще и на подсознательном уровне — переменах в общественном сознании, а значит, об изменениях в самом обществе; судить же о том, что это за изменения — дело совсем других специалистов» (Герчук Е. Только детские книги читать... Вот и год прошел, дорогие читатели, вот и опять праздник! // *Kak.ru* 2009. 15 дек. (<http://kak.ru/columns/booksasbooks/a9591/>).

³ О таком восприятии лучше всего свидетельствует рубрика «Отцы», публикующаяся в каждом номере *life-style*-еженедельника «Коммерсантъ-Weekend» (после ее успеха в том же журнале возникли рубрики «Дед» и «Мать»): в ней наиболее яркие и известные журналисты газеты (а с недавнего времени еще и генеральный директор издательского дома «Коммерсантъ» Демьян Кудрявцев) публикуют эссе, где анализируют повседневный опыт отношений со своими детьми.

⁴ Здесь, прежде всего, следует упомянуть принадлежащее компании «Газпром» «Детское радио»: по вечерам после завершения собственно детского вещания на этой радиостанции транслируются многочасовые беседы с семейными консультантами и врачами, которые отвечают на вопросы родителей в прямом эфире. Специализированные детские медиа раньше не имели таких обширных разделов для родителей.

⁵ Первоначально под эгидой фонда ежемесячно выходила (и продолжает выходить сегодня)

страница в газете «Коммерсантъ», где публиковались написанные в жанре психологизированной документальной прозы рассказы о больных детях, которым могла бы материально помочь аудитория газеты; ведущим автором этой полосы был известный журналист Валерий Панюшкин. В 2010 году Панюшкин стал публиковать на сайте газеты «Большой город» цикл бесед с представителями культурных элит о том, что значит для общества и для каждого конкретного человека помощь больным детям. В 2009 году радиостанция «Эхо Москвы» начала регулярно передавать и размещать на своем сайте объявления Российского фонда помощи в составе рекламных блоков.

⁶ 29 марта 2010 года в Независимом пресс-центре в Москве прошла пресс-конференция «Отображение (sic!) детей за бедность — новая юридическая практика?», в которой приняли участие адвокаты, правозащитники и политические активисты.

⁷ Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3. Впрочем, Аузан чаще пользуется им же созданным термином «вертикальный контракт» (см., например: Аузан А. Вертикальный контракт неустойчив // Отечественные записки. 2004. № 6).

⁸ Ср.: «...Свобода для российского большинства — это опека без “доставания”. Неагрессивная опека, пассивная опека с редкими знаками внимания». См.: Дубин Б.В. Характер массовой поддержки нынешнего режима. Доклад на конференции Левада-Центра «События и тенденции 2009 года в общественном мнении». 19 января 2010 года (<http://www.levada.ru/press/2010022406.html>).

⁹ Демографический национализм — идеологическая программа, прямо связывающая мощь государства и его влияние в мире с увеличением численности «коренных» этносов, и политико-правовые меры, направленные на увеличение рождаемости в рамках этой программы; к демографическому национализму в современной России относится и риторика в поддержку традиционных (в феминистской терминологии — «патриархатных») семейных ценностей.

¹⁰ Подробнее см.: <http://www.lenta.ru/news/2010/01/12/schule/>; <http://www.pmoney.ru/txt.asp?sec=1539&id=1394912>; http://www.rusk.ru/news_r1/2010/03/31/serial_shkola_diskreditiruet_sistemu_rossijskogo_obrazovaniya/; http://www.rusk.ru/news_r1/2010/02/24/

patriarh_kirill_ya_psihologicheskii_ne_mog_smotret_etot_film/; <http://pedsovet.org/content/view/7848/251/#comment11635>.

¹¹ Социологи уже не раз дискутировали о том, возможно ли говорить в России о среднем классе. Мы солидарны с точкой зрения, которую, в частности, формулирует Алексей Левинсон: если в России и нет среднего класса, содержательно эквивалентного среднему классу европейских государств или США (влияющего на результаты выборов, являющегося основой малого бизнеса и т. п.), то, во всяком случае, существует «функциональный» средний класс, то есть те, кто беднее самых богатых, но богаче самых бедных и поэтому ощущают себя в «середине» общества. В последние годы эта группа приобрела элементы коллективного самосознания и ряд черт, сближающих ее с традиционно понимаемым европейским «средним классом» не только функционально, но и содержательно. См. подробнее: Левинсон А.Г., Шукин Я.М., Стучевская О.И. О тех, кто называет себя «средний класс» // Вестник общественного мнения. 2004. № 5. С. 48–62; Левинсон А.Г. Средний еще не класс // Неприкосновенный запас. 2007. № 3 (53); Он же. О среднем классе // Вестник общественного мнения. 2008. № 6; Он же. О категории «средний класс» // SPERO (Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры). 2009. № 10. С. 105–131.

¹² Используемый в настоящее время в педагогической литературе термин «ответственное родительство» не позволяет указать на историческую новизну явления, которое он фиксирует.

¹³ Роткирх А., Кессели К. Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских женщин // Новый быт в современной России: Гендерные исследования повседневности / Под ред. Е.А. Здравомысловой, А. Роткирх, А.А. Темкиной. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009 (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 17). См. также обсуждение выводов этой статьи на специализированном форуме, посвященном деторождению: <http://www.probirka.org/forum/viewtopic.php?f=102&t=15035&p=444134#p442203>.

¹⁴ Интересно, что журнал семейного воспитания с точно таким же названием выходит в ЮАР на английском языке (правда, является строго традиционалистским по содержанию).

¹⁵ О формировании детоцентричных советских семей в 1970-е годы см., например: Келли К. Роскошь и необходимость: товары для детей в

хрущёвскую и брежневскую эпоху (пер. с англ. Е. Напрееенко) // Теория моды. 2008. Вып. 8.

¹⁶ Эта мысль подробно развита в статье Марии Майофис, в которой автор сопоставляет книги о воспитании детей, вышедшие в СССР в 1960–1970-е и в России в 2000-е годы (готовится к публикации в ежегоднике «Пути России» за 2010 год).

¹⁷ См. об этом: Здоровье и доверие: Гендерный подход к репродуктивной медицине / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб., 2009 (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 18).

¹⁸ Кроме собственного опыта бесед с представителями старшего поколения на эту тему, можем сослаться на работу: *Виссон Л.* Уроки воспитания Вани Смита: дети в российско-американских браках (пер. с англ. М. Муравьевой и Б. Работы) // Семейные узы: Модели для сборки / Сост. С. Ушакин. В 2 кн. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Кн. 2. С. 11. О новых практиках см.: *Ангелова Е., Тёмкина А.* Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности.

¹⁹ *Литвинцев Е.Ю.* Советская демографическая политика в 1980-е гг.: На примере Свердловской области // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. Гуманитарные науки. Вып. 12: История. С. 322–327 (Литвинцев полагает, что оценить эффективность советской демографической политики 1980-х на основе демографических данных невозможно); *Журженко Т.* Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: модели для сборки: В 2 кн. Кн. 2. С. 268–269.

²⁰ Как показал Энтони Гидденс, образ «правильной» семьи в европейской консервативной публицистике 1990-х в действительности был идеализированным образом американской семьи 1950-х годов, которая жила в условиях уже весьма модернизированного быта, но еще при низком уровне женской занятости и заметном гендерном неравенстве (*Giddens A.* The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998. P. 92). *Mutatis mutandis* это наблюдение, как следует из работы Журженко, может быть применено и к консервативной семейной публицистике позднего СССР и постсоветской России.

²¹ *Журженко Т.* Старая идеология новой семьи: С. 269–280. Ср. об аналогичных процессах в быв-

ших «социалистических» странах: *Гал С., Клингмен Г.* Формы государств, формы «семьи» (пер. с англ. М. Муравьевой) // Семейные узы: модели для сборки: В 2 кн. Кн. 2. С. 226–267.

²² *Кей Р.* «Такие спортивные девочки — как мальчики!»: о воспитании детей в постсоветской России (пер. с англ. М. Муравьевой) // Семейные узы: модели для сборки: В 2 кн. Кн. 2. С. 146–170.

²³ Термин, предложенный Ириной Жеребкиной для обозначения модели восприятия гендера, очень характерной для России 1990-х годов: *Жеребкина И.* Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003. С. 31. По мнению Жеребкиной, в позднесоветский период гендерные различия в публичном дискурсе идеологизировались или замалчивались, а в обществе 1990-х гендер, переосмысленный как биологический пол, стал одной из главных социальных характеристик человека, «кричит о себе», постсоветское общество становится «производящим пол». Эта концепция не учитывает многих важных нюансов (например, меланхолической рефлексии о том, что «женщины стали сильными, а мужчины слабыми», широко распространенной в советском кинематографе и литературе 1970-х годов), но в целом, на наш взгляд, адекватно фиксирует значимые социокультурные процессы.

²⁴ *Гидденс Э.* Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах (пер. с англ. В. Анурина). СПб.: Питер, 2004.

²⁵ См., например: *Фуко М.* О начале герменевтики себя; *Он же.* Технологии себя (пер. с англ. А. Корбута) // Логос. 2008. № 2. С. 94, 122.

²⁶ Ранее аналогичные процессы были изучены на материале психологически успешных и устойчивых семей, созданных представителями сильно различающихся культур — например, русской и американской. Муж и жена в таких семьях должны были отрефлексировать собственные культурные стереотипы, связанные с гендерными ролями и воспитанием детей, и действовать в соответствии с новыми установками, зачастую преодолевая неодобрение друзей и родственников. См. об этом: *Виссон Л.* Уроки воспитания Вани Смита: дети в российско-американских браках.

²⁷ См., например, специальные выпуски журналов «Неприкосновенный запас» (2008. № 2 (58) и «Теория моды» (2008. Вып. 8), а также: *Детский*

сборник: Статьи по русской литературе и антропологии детства. М.: ОГИ, 2003, и др.

²⁸ См., например: *Современная женщина, семья, демография: Актуальные исследования* / Под ред. О. Здравомысловой. М.: Звенья, 2007; *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе* / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007; *Вишневский А.Г.* Эволюция российской семьи // *Экология и жизнь*. 2008. № 7, 8, 9, и другие его работы (библиографию см.: <http://new.hse.ru/C8/C0/Vishnevskiy/default.aspx>).

²⁹ Здесь следует назвать в первую очередь многочисленные работы И.С. Кона: *Ребенок и общество*. М.: Академия, 2003; *Мальчик — отец мужчины*. М.: Время, 2010, а также статьи в журналах и сборниках.

³⁰ См.: Социальная политика и мир детства: специальный выпуск // *Журнал исследований социальной политики* (Саратов). 2009. Т. 7. № 2.

³¹ См., например: *Keller M., Kalmus V.* Between Consumerism and Protectionism: Attitudes towards Children, Consumption and the Media in Estonia // *Childhood*. 2009. Vol. 16. Is. 3; *Moravuska A., Sanders M.R.* Parenting Gifted and Talented Children: Conceptual and Empirical Foundations // *Gifted Child Quarterly*. 2009. Vol. 53. Is. 3, и др.

³² См., например, выпуск «The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences» (2009. Vol. 624. Is. 1), посвященный проблемам отцовства в современном американском обществе.

³³ См., например: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

³⁴ См. подробнее: *Орлова Г.* Семья «Я» президента: призрак родства в российской политике 1990-х годов // *Семейные узы: модели для сборки*: В 2 кн. Кн. 2. С. 297–323.

³⁵ *Кей Р.* Указ. соч.

³⁶ «Ножницы» между практиками и их объяснением продолжают действовать и нуждаются в исследовании. В материале Ольги Свешниковой в этом номере *Pro et Contra* (см. с. 61–77) представлен один из путей такой работы.

³⁷ В создании этого образа принимают участие и представители политических элит. После скандального случая с Артемом Савельевым — его американская приемная мать вернула мальчика в Россию, сообщив, что в детском доме ее не предупредили о психических особенностях

ребенка, затрудняющих его адаптацию, — Уполномоченный по правам ребенка РФ Павел Астахов заявил, что необходимо заключить соглашение о международном усыновлении между США и Россией, где «прописать обязанность родителей создать условия для сохранения ребенком знания русского языка и культуры» (http://www.echo.msk.ru/blog/vopros_dnya/672208-echo/). Однако даже после этого случая российские чиновники продолжают настаивать на том, что Россия не будет подписывать Гаагскую конвенцию о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 20 октября 1980 года, которая защищает права детей в случаях их незаконного перемещения.

³⁸ См. выступление демографа Людмилы Ржаницыной в авторской радиопрограмме Ольги Вахоничевой «Стране нужны дети, а не “социальные сироты”» (Радио Свобода. 2009. 31 мая (<http://www.svobodanews.ru/content/article/1743462.html>)), а также работу: *Ильченко О.Ю.* «Новые» беспризорные: социологический анализ проблемы на примере Приморского края. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Хабаровск, 2009.

³⁹ Характерен, впрочем, и социальный портрет современного беспризорника: «...если в начале [XX] века полные сироты составляли до 40 проц., то в настоящий период — лишь 5 проц. от общей численности беспризорных. Указанные цифры подчеркивают, что если в начале прошлого столетия беспризорность была следствием потери родителей, то в настоящее время наличие родителей зачастую является фактором, способствующим беспризорности несовершеннолетних» (цит. по: *Ильченко О.Ю.* Указ. соч.). Статистика, которую использует Оксана Ильченко, взята из журнала «Индекс/Досье на цензуру» и требует дальнейшей проверки, однако следует оговорить, что достоверной статистики по беспризорности в России, по-видимому, нет, и даже чиновники высокого ранга приводят заметно различающиеся цифры. Тем не менее сведения Ильченко подтверждаются (пусть и не количественно, но по сути) комментариями специалистов по социальной работе. См., например: *Насыфов Е.* Большинство столичных беспризорников родом из Москвы // *Gzt.ru*. 2009. 17 дек. (<http://www.gzt.ru/topnews/society/278200.html>). Ср.

также интервью руководителя московского центра «Дети улиц» Светланы Волковой в статье: *Рябцев А.* Конвейер для беспризорников // Комсомольская правда. 2004. 25 августа (<http://www.kp.ru/daily/23346/31482/>).

⁴⁰ Единственная мотивировка поведения героини, приведенная в сериале, — биографическая: Аня несколько лет не ходила в школу (училась в экстернате) и, придя в 9-й класс, обостренно воспринимает окружающую действительность. Несмотря на то что над сценарием работала группа известных драматургов (Александр Родионов, Наталья Ворожбит, Вячеслав Дурненков, Иван Угаров, Вадим Леванов, Нелли Высоцкая, Юрий Клавдиев), авторами основной идеи сериала мы считаем именно режиссера Валерию Гай Германику, продюсеров сериала и руководство первого канала российского телевидения. Германика в своих интервью объясняла, что главная героиня в некоторых (хотя и далеко не во всех) чертах похожа на нее саму, а генеральный директор Первого канала Константин Эрнст в интервью журналу «Афиша» признался, что при съемках сериала продюсеры регулярно спорили со сценаристами, но не с режиссером. См.: Ответы. Константин Эрнст, генеральный директор Первого канала // Афиша. 2010. 8–21 февраля. № 266 (<http://www.afisha.ru/article/6624/>).

⁴¹ См. в Интернете: <http://mignews.com.ua/ru/articles/16394.html>; <http://ru.euronews.net/2010/03/20/irish-abuse-victims-say-papal-letter-not-enough/>; <http://www.baltinfo.ru/news/V-Londone-proshla-napravlenaya-protiv-vizita-Papy-Rimskogo-Benedikta-XVI-aktciya-protesta-136496>, и др.

⁴² http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/03/100330_germany_catholic_hotline.shtml.

⁴³ См., например, открытое письмо Президенту РФ Дмитрию Медведеву правозащитника, члена Общественной палаты Бориса Альтшулера: *Альтшулер Б.Л.* Не надо ставить такие опыты на детей // Полит.ру. 2009. 29 сент. (<http://www.polit.ru/dossie/2009/09/29/school.html>).

⁴⁴ Характерен написанный правозащитницей-экологом Еленой Васильевой проект манифеста

«партии женщин» «8 марта» (http://8marta-party.ucoz.ru/index/manifest_partii/0-6), в котором совмещены призывы к политической либерализации и развитию гражданского общества, обновленные советские декларации («8 марта — не запретить!») и радикально-патерналистские требования к государству взять на себя максимально возможное юридическое и материальное обеспечение материнства и детства («Охрана здоровья женщины — первостепенная задача государства. <...> Дети — главная ценность государства. <...> Родившая женщина [в будущем пусть] проходит полную бесплатную санацию рта в любом стоматологическом кабинете за счет средств специально созданного государственного социального фонда налоговых отчислений с продажи природных ресурсов»). На сайте этой «партии» в разделе новостей среди прочего сообщается о проведенном в Самаре «Родительском стоянии» против принятия закона «О ювенальной юстиции» — акция была организована «соратниками Самарского губернского отдела Союза Русского Народа» (http://8marta-party.ucoz.ru/news/roditelskie_stojaniya_v_samare/2010-03-23-38).

⁴⁵ Так, совсем недавно в Новосибирске прошла голодовка участников межрегионального движения «Российским детям — доступное дошкольное образование», которое борется с нехваткой мест в детских садах, требуя компенсации тем семьям, чьи дети не попали в дошкольное учреждение (*Эйсмонт М.* Гражданское общество: Достоинно молчать в очереди // Ведомости. 2010. 8 апр.). Интересно, что двое «голодовщиков», давших интервью прессе, — мужчины, то есть, очевидно, отцы маленьких детей. Эта общественная активность отцов также является симптомом сдвигов в родительском сознании: до недавнего времени главными выразителями требований к обществу и государству по поводу детей были женщины-матери.

⁴⁶ Различные аспекты отношений современных российских родителей к детским садам исследованы в новых работах Юлии Градсковой. Благодарим г-жу Градскову за возможность ознакомиться с ее статьями в рукописи.